

Нина Краснодембская, Наталья Кудрявцева

Голоса родные.

Письма из личного архива

М.К. Кудрявцева

**Нина Георгиевна
Краснодембская**
Музей антропологии
и этнографии им. Петра
Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург

**Наталья Владимировна
Кудрявцева**
Институт цитологии РАН,
Санкт-Петербург

Вот уже и 60 лет нашей главной Победе! Все дальше уходят в глубину прошлого трагические дни Той войны — наполненные болью, страданием, героическим трудом и воинским подвигом. Среди участников тех событий, из поколения наших дедушек, бабушек и родителей, были и наши предшественники в профессии — этнографы, востоковеды, полевики и музейщики. Одни берегли музей в осажденном Ленинграде, другие несли тяготы общего бедствия в эвакуации, занимаясь тем, что диктовали им условия военного времени, третьи сражались на фронте. Все они верили в Победу, жили ради нее и мечтали о возвращении к любимой науке. В самых невероятных условиях они продолжали размышлять над научными проблемами, радовались находке полезных книг, строили дальнейшие профессиональные планы. Это именно от них, кто прямо, кто опосредованно, получили мы с вами и нашу науку, и саму возможность заниматься ею. Все мы, как их преемники, действительно, «стоим на их плечах».

И ведь в то небывало трудное время они еще писали друг другу, разделенные огромными расстояниями, когда смерть явно грозила всем из-за угла: так легко мог погибнуть каждый из них если не от прямой вражеской пули, мины или

снаряда, то от зловещей «посылки» вражеского бомбардировщика, пролетающего почти над крышей родного музея, а то и просто от недоедания, холода и сопутствующих болезней.

Они писали, чтобы поддержать друг друга, сохраняя в себе, вопреки нечеловеческим условиям, самые благородные человеческие качества: достоинство, мужество, силу воли, доброту и высокую духовность.

Какой хрупкий, недолговечный, уязвимый предмет этот тонкий листок не лучшей бумаги из блокнота или школьной тетрадки, но он, как ни удивительно, доходил до адресата и, несомненно, прибавлял ему сил, чтобы жить и бороться. Вот один из них: сложенный треугольничком, без всякого конверта, помеченный штампом «просмотрено военной цензурой» — дрожь пробегает по телу от прикосновения к незамысловатому, но столь глубоко значимому символу тех военных дней.

Трудно поверить, но вот передо мной целый архив таких писем, бережно сохраненный семьей Кудрявцевых — племянницей и внучатым племянником Михаила Константиновича Кудрявцева, имя и труды которого живы в стенах нашего Музея, хотя сам он ушел от нас в 1992 году.

М.К. Кудрявцев родился в 1911 году в интеллигентной семье, после школы окончил топографическое училище, затем исторический факультет Ленинградского университета, заинтересовался историей и культурой народов Индии. Перед началом Великой Отечественной войны был аспирантом Музея антропологии и этнографии, с первых дней войны ушел на фронт. Служил военным топографом, воевал и как артиллерист, командовал батареей. Участвовал в боях под Ленинградом, был в частях на Синявинских болотах, по счастливой случайности, один из немногих, остался невредимым после смертельного прорыва наших войск. Попал на Украинский фронт, дошел с нашей армией до польско-немецкого пограничья, в освобождении которого также принимал непосредственное участие. Имел высокие награды, демобилизовался в звании майора.

Став снова гражданским человеком, М.К. Кудрявцев сразу же вернулся в музей, продолжил изыскания в области индологии, завоевал высокий научный авторитет среди коллег. Ему принадлежат несколько крупных монографий и множество статей.

В домашнем архиве Кудрявцевых сохранена богатая переписка Михаила Константиновича времен войны — это более 300 писем: от самого М.К. Кудрявцева с разных фронтов и ответных писем к нему из блокадного Ленинграда, из других городов, от его товарищей с других полей военных действий. Среди корреспондентов М.К. Кудрявцева обнаруживается немало известных наших горожан, в том числе и некоторых сотрудников МАЭ РАН. С ним, в частности, переписывались Дмитрий Алексеевич Ольдерогге и Эрна Владимировна Зиберт. Все трое выжили и сохранили теплую дружбу, какое-то особо уважительное отношение друг к другу на долгие годы и после войны. Свидетельствую о том как представитель младшего поколения, подраставшего возле них.

В нынешний юбилейный год хочется снова оживить эти незабытые голоса, ту особую интонацию эпохи испытаний — в память о них и в поддержку для нас. Вот некоторые из этих писем. Все здесь без прикрас, искренне, — и горечь, и юмор, и главное — стремление поддержать другого.

Письма М.К. Кудрявцева к родителям¹

20/VIII—42.

Дорогие мои старики!

На днях получил письмо от Жени². Мы с ней переписываемся аккуратно. Письма ходят в два конца за 12–14 дней. Я получил от вас последнее письмо из Уфы от 20/VII и отправил с тех пор два письма на адрес Нади. Женья мне пишет, что вы уже в Стерлитамаке и племяшка моя бегаёт за курами. Вообще, как видно, и сама Евгения успокоилась и меня до некоторой степени успокоила.

Вчера исполнилось полгода, как я на этом фронте и в этой дивизии. Все еще жив и очень бы хотел и дальше продолжать в том же духе.

На этих же днях исполнился или исполняется год, как мы потеряли из вида Владимира. Мне кажется, да и не мне одному, что скоро должны произойти коренные сдвиги и изменения в войне. Дела, очевидно, будут жаркие, и всем нам хватит работы.

На адрес Нади я послал вам мою последнюю посылку в 200 с лишним рублей. Женья меня уверила, что и с деньгами и с одеждой у вас будет все благополучно. Она тоже выслала вам денег. Я написал открытку и Дьяконовым. Сообщите, пожалуйста, кто улетел в Стерлитамак, кто в армии, кто уехал. Поклонитесь родным местам³ и людям. Где вы там разместились и будете ли сыты? Хорошо бы встретиться, но... война.

Целую. Михаил.

28/VIII—42.

Только что получил от вас письмо. Очень рад, что вы добрались хоть до Стерлитамака. В вашем письме я, к сожалению, не все мог прочитать. Очень рад, что Витюша и Борис еще дома (или почти дома). О котором сыне Горы вы сообщаете, что он ранен? Неужели эти ребята успели уже так вырасти?

Часто с меня здесь требуют, чтобы я сообщил адрес своих родных, а вы у меня, как цыгане, кочуете и никак не можете пристать, стать на оседлость. Так что вы не особенно мечитесь с места на место.

А что же вы не пишете о своем здоровье. Как папины ноги и мамин желудок? Ешьте овощи и поминайте «о здравии» раба недостойного Михайлу. Правда, я и так здоров, но думаю, что скоро придется нам кое-где и подумать о дальнейшем пребывании души в брэнном нашем теле. В таком случае я предоставляю душу Аллаху, тело мать — сырой земле и память обо всей этой комбинации — вам.

Этим я хочу сказать, что до сих пор я был цел и невредим, хотя всякие

¹ Письма приведены в редких случаях с небольшими сокращениями.

² Евгения Михайловна Широкова, жена брата М.К. Кудрявцева – Владимира, не вернувшегося с фронта; всю войну она работала в Ленинграде, в больнице имени Карла Либкнехта.

³ Кудрявцевы родом из Оренбуржья.

задания выполнял и в трусости никто меня не заподозрил. Правда, не герой. Но вы же знаете мой смиренный характер и преклонный возраст (31 год). Вы там бросьте мне на дядю Колю нападать. Вы, я чай, пробираете его кое за что, но думаю, что это вы из зависти, потому что сами не умеете, а он геройски выполняет свой долг, и передайте ему мой привет.

Правда, с тех пор, как я попал на этот фронт, мы не отступали и даже наоборот, а теперь у нас настроение исключительно наступательное. Поэтому-то я и заговорил о душе и об Аллахе.

Мы все надеемся и хотим вернуться к вам, но война ведь не закончилась, а поэтому мы вернемся не так уж скоро, да, может быть, и не все. Ведь на войне всякое бывает.

Ты, моя дорогая мамаша, нет — мамуленька, ты, кажется, напрасно в свое время подсмеивалась над бабушками и их любовью ко внукам, а сама вкупе с дедом, небось, внучку ни с рук ни с глаз не спускаешь. Вот я нажалуюсь Евгении, и она приревнует вас к дочери. Так-то.

Что касается моих передвижений по службе, то они в гору не идут и вниз не скачут, перемещаюсь в горизонтальной плоскости. Занимаю строевую должность. Вот сейчас я пишу, а мои пушки (рядышком) рывкают и портят немцам нервы и мозги.

Тебе, конечно, как матери, интересно знать, а опасная ли, в смысле жизни (батарея — зал!) моя должность. Ничего тебе сказать на это не могу, так как и предыдущая моя была очень скромная и одинаково и опасная и неопасная. Война — одно слово. Ну ладно — мне 32 года (неполных). Вот когда вы мне писали на предыдущий адрес — там было спокойнее, но меня тяготило безделье.

Адрес мой смотрите на конверте. Целую тысячу раз и жадно жду писем.

Ваш сын Михайло.

Целуйте Наташку.

Привет всем Кудрявцевым и Дьяконовым.

23/II—43 г.

Дорогие мои!

У нас сегодня оттепель, вода, вода льет с потолка, и никакие плащ-палатки не спасают.

У меня все идет по прежнему хорошо.

С Южного фронта каждый день поступают сведения о новом и новом продвижении наших войск, а это вселяет надежду на свидание в этом году.

Уже около половины молодежи европейских стран, пришедшей нас завоевывать, сгнили или догнивают трупами на русской земле. До конца войны еще и средние возрасты полягут на наших снегах.

Все-таки хочется верить, что в этом году кошмарное истребление народов придет к концу, и чудовище начнет пожирать самого себя.

В прошлом письме вы утешали меня — дескать, не все еще потеряно. Видите ли, я и не смотрю на себя как на человека потерянного. Работы и мне хватит, если вернусь, и, может статься, еще буду и радоваться на чью-нибудь жизнь, на чьи-нибудь успехи, на чью-нибудь молодость. Только моя-то давно-давно прошла, а за войну, если молодежь взрослеет — я состарился годков этак на 15.

Но кому-нибудь я безусловно буду нужен, а в первую очередь вам, и это меня очень утешает.

Если вы все эти годы жили для нас, то и я жил для вас, и поэтому берегите себя, будьте здоровы и бодры, чтобы и мне была причина продолжать жить.

Мне очень нравилось, а может быть, и льстило, когда ко мне, малышне в 20 лет, обращались за советами, со мной откровенничали, мне рассказывали свою жизнь так, как никому, может быть не говорили, и это взрослые люди, матери или отцы взрослых детей.

И сейчас это продолжается (Надя просит, чтобы я, хоть письменно, присмотрел за Алейкой; мать Валентины просит не оставлять без надзора Галинку; да и Валентине нужна моральная поддержка). Зинаида Федоровна до последнего времени о многом спрашивала моего мнения.

Может быть, вот эти особенности моего характера и «сгубили» меня, заставили раньше времени состариться. Правда, вы помните, что и в детстве я ни голубями, ни турниками, ни танцами особенно не увлекался. Я всегда чувствовал себя старше своих сверстников или товарищей по школе. Я был слишком благоразумен, осторожен, и ... вот до чего это довело! Ну, все это ерунда. Я пишу это просто для того, чтобы объяснить вам, как «дошел до жизни такой». Поднялся ветер. Может быть, унесет эту сонливую погоду. Ведь в такую погоду и наступать скверно.

Получил третью открытку (вру — письмо) из Института этнографии. Люди, которых я в прошлое время почти на замечал, был шапочно знаком, пишут, поздравляют и просят писать. Они крепко надеются на скорое избавление. Им губы развел первый успех под Ленинградом. Надеюсь, что скоро сумеем удовлетворить эти желания, так как мы и сами очень хотим того же.

Посылку от Евгении я так и не получил. Очень жалко и очень обидно. Я с удовольствием читаю ваши сообщения об успехах племяшки. Дядя с радостью привез бы ей и мячик, и куклы и игрушки, да нет у него. Те мячики, что бросал мне немец, не годятся ей; куклы, которых я видел замороженными в снег или раздавленными на дорогах — не для детей, а игрушки, которыми мы играем, мне самому надоели.

Если представится возможность прислать мне ее карточку — очень буду рад. Ведь я ее совсем себе не представляю. Мать еще может себе представить, а дядя помнит что-то розовое, теплое, с двумя зубами, «а що воно — він не розуміє».

Передайте привет дяде Коле. Напишите мне Витюшину адрес. Что-то давно не имею известий из Нижнего. Ну, будьте здоровы. Обнимаю вас крепко и целую.

М. Кудрявцев.

Письмо М.К. Кудрявцеву от Э.В. Зиберт из деревни Рагозино Татарской АССР

13. VII. 44 г.¹

Настроилась было Вам ответить хорошим письмом, но так долго разводила чернила из карандаша, что настроение наполовину улетучилось. Сижу одна в своем «присутствии»² и наверняка мне никто не

¹ Письмо без обращения, вероятно, ради экономии места.

² Эрна Владимировна работала в тот период председателем сельсовета в местном колхозе.

помешает мирно заниматься личными делами — писанием писем, чтением и вышиванием (боже, какой светский образ жизни! — нет, вышивака — это заработок, вернее, приработок). Вчера был Петров день — здесь еще чтят престольные праздники, этот и Михайлов день* — так местные верхи, начав к вечеру «пировать», разогнались как следует только сегодня. Целый день в правлении колхоза не было никого. Счетовода не могу разыскать, а мне нужна сводка. Председатель колхоза с супругой и дамой сердца (он вообще никогда не бывает трезвым), к великому любопытству всей деревни, пошел по домам. Здесь не ходят в гости, как у нас, приходим и сидим в одном доме хоть всю ночь. Здесь ходят от одного участника к другому. Они любовно вспоминают, как было «раньше», когда мужики были дома, «вот гуляли! а драк-то чо было, кровящи!» И находят в этом искреннее удовольствие. Хорошо, что я попала в «теперь», а не «раньше».

Обстановка в эти дни почти этнографическая. Слышатся песни — и частушки, и старинные.

Подала заявление, вернее, записалась — была вербовка на «Треугольник». Если сохранилась жилплощадь и не помешает нерусская фамилия, то, может быть, попаду домой. Хотя сильно сомневаюсь. Я напоминаю себе человека, попавшего в снежную лавину: барахтаюсь, развожу руками, чтобы остаться или выбраться на поверхность, а все-таки неудержимо несет вниз. Хорошо, если не засыплет с головой.

Пытаюсь, по возможности, поддерживать культурные навыки, даже не хожу в...¹ Выписала Moscow News и с печалью вижу, что нужен словарь. Массу слов забыла, теперь жду обещанных Дмитрием Алексеевичем французских романов. Вам постараюсь послать как-нибудь что-либо поинтереснее.

Привет. Зиберт².

* Если Вы именинник в ноябре — напишите; если не оборвем переписку, то поздравлю на чудном листке бумаги.

**Письмо М.К. Кудрявцеву
от Дм.А. Ольдерогге**

Ленинград.
24-V-1945 г.

Дорогой Михаил Константинович!

Ваши письма — радость для меня. А недавно получил одно за другим два письма, из них одно за три — четыре дня до конца войны. Ну, слава Богу! Неужели же пришел наконец этот день. Как часто мы говорили друг другу: — «мы сделаем это, когда война кончится» или: «ну, это потом, когда война кончится...» И вот, она кончилась. По самому себе, по окружающим, по многому — я вижу, что сознание этого приходит не сразу. Странно сказать, я до сих пор еще не могу свыкнуться с этой мыслью. Слишком врзались в память первые дни войны, блокадные дни, голодный Ленинград и многое другое. И когда я сижу в своем кабинете — опять за круглым столом — но книг нет, ковра нет, шкафы еще полусломаны, не может быть ощущения, что все по старому. Да по

¹ опорках? Последнее слово стерлось на сгибе «треугольничка».

² После этого следуют еще несколько слов, которые совершенно стерлись.

старому и не будет. Начнется «новый этап» — строительство, новая работа с новыми часто людьми.

Потери Музея велики. Теперь я окончательно потерял чувство жизни: мне, вернувшись в Ленинград в самом начале прошлого года, когда еще бывали воздушные тревоги и летали немецкие самолеты над Невой — кажется, что я и не уезжал. Каков был Ленинград в середине 1942 года, таков он был и зимой 1944-го. Но в последние полтора года он наполнился людьми, пошли трамваи (почти все номера), идет ремонт мостовых, путей, строятся здания — словом, на мой взгляд, Ленинград неузнаваем — он почти принял довоенный вид.

Но несколько дней назад приехали наши ташкентцы: Бломквист, Лихтенберг, Панек, Иванов, Абрамзон, Росина, Пещерева (по Средней Азии), Шапиро. Вернулись все. Но все те, с кем я успел повидаться, поражены видом города — он кажется им не изменившимся со дней блокады, пустым, вымершим. Вот Вам пример относительности восприятия. Все возвращающиеся единодушны — город очень пострадал. Жизнь трудная — квартиры у многих разбиты.

30—V—1945.

Продолжаю свое письмо, как видите, после перерыва в несколько дней. В связи с юбилеем Академии Наук (220 лет!) все здание нашего музея в ремонте. Сверху донизу его белят, остекляют, красят и моют. Правда, за починку отопления еще не брались, но, быть может, и это придет со временем. Надо к 15—20 июня развернуть экспозицию в трех залах второго этажа: б. Дальнего Востока, Индии, Индонезии и Океании. Выставка историко-отчетного характера: старинные коллекции XVIII века, бывшие в Кунсткамере, новейшие достижения археологов и антропологов, среднеазиатские экспедиции и искусство народов Сибири.

Конечно, в работах принимает участие весь коллектив Музея. Он велик — это те несколько человек, которые провели блокадное время в Ленинграде, приехавшие ташкентцы и два-три человека принятых вновь. Эрна Владимировна перешла, наконец, в МАЭ и работает по-прежнему в Южной Америке (недели три назад она явилась к нам и включена в штат).

Теперь о Вас. Жду Вашего возвращения. Можем ли мы вызвать Вас? Напишите. Или, может быть, Вы уволитесь в скором времени в «первобытное состояние»? Это неясно для меня. Во всяком случае, с осени будет набор аспирантов, а Вы вернетесь к своим темам. Уверен, что недалеко время нашей встречи. Рад буду Вам помочь в дальнейшей Вашей работе по Индии. Как дела с Вашей квартирой? Нужно ли что-нибудь сделать? Как вызовы для Вашей семьи? Они собираются ехать сюда, или нет еще? Чем я могу помочь? Есть ли у Вас кто-нибудь здесь? Или никого нет? Тогда рассчитывайте на меня. Суতোлка с экспозицией скоро кончится, и (с середины июля) я буду свободнее.

Пишите о себе, хотя бы открытками. Мои все здоровы: Анна Григорьевна и Машутка (она сдает экзамены за 7 класс) — здоровы и шлют Вам свои приветы. Крепко жму руку, обнимаю. Ваш Д. Ольдерогге. (Антропова шлет свой привет)

[другим почерком написано слово «привет». — Н.К., Н.К.]¹

¹ Последнее письмо написано уже, хотя и на скромной по качеству, но все-таки специальной почтовой бумаге с изображением Медного Всадника.